

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Культуру конца XX – нач. XXI в. принято называть информационной за широкое применение и использование средств массовой информации, развитие коммуникаций и передовых компьютерных технологий. С одной стороны, несканно расширяются возможности человека для накопления и классификации знаний, производства информации и мгновенного ее распространения. С другой, увеличивается опасность манипулирования и зомбирования общественного сознания с использованием новых современных методик воздействия на массы.

Ключевые слова: информационная война, запрет экономической агрессии, вооруженный конфликт, гуманитарное право.

В настоящее время действия по ведению информационной войны запрещены на уровне норм общего международного права (принцип невмешательства во внутренние дела государств), однако конкретизирующие международные нормы, связанные с запретом информационного вмешательства, в международном праве отсутствуют.

В части идеологического вмешательства попытки закрепить его запрет существовали и на международном уровне при разработке в ООН определения агрессии. СССР еще в 1953 г. предложил проект определения, которое охватывало и такие ее формы, как идеологическая агрессия. Согласно проекту, государство признается совершившим акт идеологической агрессии, в том случае, если оно «а) поощряет пропаганду войны; б) поощряет пропаганду применения атомного, бактериологического, химического и других видов оружия массового поражения; в) способствует пропаганде фашистско-нацистских взглядов, расовой и национальной исключительности, ненависти и пренебрежения к другим народам» [1, с. 2]. По мнению И. И. Лукашука, это предложение об идеологической агрессии носило пропагандистский характер. Пропаганда определенных идей и взглядов запрещается специальными нормами международного права [2, с. 408]. Однако информационное (идеологическое) воздействие может касаться не только запрещенных международным правом идей и взглядов, и, тем не менее, порождать негативные социальные и экономические последствия. Такое информационное воздействие на население иностранного государства посредством различных средств воздействия является нарушением принципа невмешательства и может привести к негативным социальным последствиям. В отношении такого воздействия особое значение имеют средства такого воздействия. Они могут находиться как на территории государства, так и вне его. В отношении первой группы государство может принять меры воздействия путем

* Демина Марина Викторовна – старший преподаватель, кафедра конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: mar980@mail.ru.

контроля за СМИ, а во втором случае – нет. Ко второй группе относится Интернет, теле- и радиовещание. Тоталитарные государства, как правило, ограничивают такое воздействие извне – например, «глушение вражеских голосов» в СССР, запрет использования Интернета в КНДР. Возникновение Интернета перевело «информационно-идеологические» войны в иную плоскость, когда очень сложно проконтролировать источник воздействия.

Другой аспект проблемы, когда такое воздействие осуществляется не в отношении населения иностранного государства, а на третьи государства и международное сообщество в целом с целью дискредитировать иностранное государство, проводимую им политику. Прямой запрет на такие действия отсутствует в международном праве, хотя они в полной мере могут считаться информационной войной.

Сводить информационную войну исключительно к информационно-идеологическому воздействию нецелесообразно, появление новых средств – Интернета, сущности такого воздействия не изменило, в отличие от более глобального и массового воздействия на информационные системы.

Определенная аналогия прослеживается с попыткой введения международно-правового запрета экономической агрессии. Еще при принятии Устава ООН Бразилия высказывала предложение дополнить ст. 2 Устава ООН [3] положением о запрете экономических угроз. Это предложение не было положительно проголосовано. Таким образом, государства мира показали, что пока что они не готовы признать экономическую, да и какую-нибудь другую (в том числе информационную) угрозу так же серьезно, как и военную.

Предложения о дополнении ст. 2 Устава ООН, а также доктринальные попытки расширения понятия «вооруженный конфликт» схожи с процессом международного согласования термина «агрессия». В 1953 году СССР обратился к мировому сообществу с предложением сформулировать четыре вида агрессии государств, три из которых не являлись агрессией в ранее признаваемой военной форме. Как уже отмечалось, речь шла и об идеологической, и об экономической агрессии. Мировое сообщество не признало такую формулировку. При этом в отношении экономического принуждения была выражена негативная позиция Генеральной Ассамблеи ООН, как одной из форм вмешательства во внутренние дела, в том числе в п. 2 Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела 1965 г., согласно которой «Ни одно государство не вправе применять или поощрять применение экономических, политических или любых других мер в целях принуждения другого государства для того, чтобы добиться от него подчинения при осуществлении им своих суверенных прав или получить от него преимущества другого рода».

По мнению Т. Р. Короткого и Д. А. Коваль, информационное воздействие, если отсутствуют нарушение международных обязательств, с одной стороны, и нарушение внутреннего права государства, как это может иметь место в случае ведения массированной информационной кампании международными экологическими организациями по защите фауны и флоры, когда формально отсутствует нарушение со стороны государства (например, кампания по запрету убийства детенышей тюленей в РФ), вмешательством извне и информационной войной

не является. По мнению указанных авторов, об информационной войне может идти речь только в том случае, если целью информационного воздействия является принуждения другого государства для того, чтобы добиться от него подчинения при осуществлении им своих суверенных прав или получить от него преимущества другого рода. Особенности международно-правовой регламентации экономической и других форм принуждения дают возможность полагать, что информационные войны описанного формата не будут в ближайшее время непосредственно регулироваться международным правом в качестве самостоятельно вида вооруженного конфликта. Причина состоит в том, что международное правовое сознание не готово признать расширение термина «война» и «вооруженный конфликт» выделив новые их виды.

В случае ведения «горячих» информационных войн, войн с высокой степенью воздействия на информационные системы противника, возникает вопрос о применении международного гуманитарного права. Другие позиции не столь категоричны в отрицании информационной войны как вида войны и вооруженного конфликта.

Вне зависимости от понимания, информационная война всегда должна оставаться в рамках международного гуманитарного права, а это означает, что и право Женевы, и право Гааги должно применяться при ведении информационной войны.

Не вызывает сомнения тот факт, что международное гуманитарное право применялось в Американо-Иракской войне, а жертвы войны находились под защитой Женевских конвенций 1949 г. [4] Так как обсуждаемая война была первой в своем роде, то и ее информационная составляющая только начинала играть важную роль во всем вооруженном конфликте. Именно из-за этого не вызывало особых споров применение международного гуманитарного права во время войны. Кроме того, одним из главных элементов «информационности» той войны были самонаводящиеся ракеты, а их применение, как бы парадоксально это не звучало, способствуют реализации основных положений международного гуманитарного права. Так, Михаэль Н. Шмидт, считает, что оружие информационной эры (то есть то, которое может распознавать объекты поражения), как раз способствует соблюдению принципа различия гражданских и военных объектов. Избирательность действия оружия – вот что достигается с помощью нового типа оружия. Таким образом, только злой умысел человека может привести к поражению гражданского объекта с помощью самонаводящегося оружия.

Больше вопросов возникнет в случае применения оружия, которое является собственно информационным (компьютерные вредоносные программы, логические бомбы и т.д.). По сравнению с применением других видов оружия, организация нападения на информационные сети не требует значительных материальных ресурсов. Химическое или биологическое оружие называют оружием массового поражения не из-за объема разрушительной энергии, выделяемой при их применении, а из-за количества вызываемых ими потерь и неизбирательности действия. Широкомасштабное применение обычных вооружений также вызывает серьезный ущерб. Несмотря на природу информационной атаки, не требующую приложения значительных сил, разрушение систем цифро-

вого контроля атомной электростанции может иметь столь же масштабные последствия. Важность предотвращения информационных атак такого рода осязаема и бесспорна.

К сожалению, Международный Комитет Красного Креста пока еще не выработал единой доктрины, которая бы однозначно отвечала на все вопросы, связанные с международно-правовым регулированием информационных войн.

Большинство юристов-международников не оспаривают обязательное применение международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах нового поколения, к которым относят войну в Персидском заливе. Но когда речь идет о собственно информационных войнах, без непосредственного применения традиционных вооружений, мнения расходятся. Приведенный пример нападения на атомную электростанцию большинством разрешается в пользу применимости международного гуманитарного права в случае наличия реального вооруженного конфликта между странами (то есть конфликта длящегося во времени) и значительных физических потерь, как в материальном, так и в человеческом измерении.

В случае же, когда информационное оружие будет использоваться отдельно, являясь единственным видом оружия войны, настоять на применении норм международного гуманитарного права будет крайне сложно, как МККК, так и государствам-участникам конфликта.

К глубочайшему сожалению, серьезные изменения в международном гуманитарном праве наступают лишь после огромных жертв и поэтому восприятие нового вида войн и применимость международного гуманитарного права к ним вероятно будет иметь место только после широкомасштабных информационных войн.

Однако уже сейчас необходимо сконцентрировать внимание на использовании информационного оружия в конфликтах, которые имеют и более традиционные формы активности сторон. Такие конфликты, как уже упоминалось выше, многими учеными также называются информационными, но они уже предполагают применение различных видов оружия и различных стратегий.

В первую очередь следует уяснить, что применение к таким конфликтам международного гуманитарного права обязательно. Вопросы могут возникнуть при применении собственно информационного оружия. При этом применимость международного гуманитарного права будет носить особо важное значение в случае применения информационного оружия к объектам, содержащим опасные силы природы и обеспечивающим жизнедеятельность регионов (атомные электростанции, плотины, системы водоснабжения), к медицинским объектам (больницы, госпитали, эпидемиологические центры) и т.д. Нормы международного гуманитарного права содержат прямой запрет на нападение на такие объекты, вне зависимости от характера используемых средств нападения – в них указывается на последствия нападения – высвобождение опасных сил природы. Такой запрет содержится как в Дополнительных протоколах к Женевским конвенциям, так и в Гаагских конвенциях.

Интересный прецедент создает решение окружного суда Токио по делу Шимоды и Ко против Японии, которое рассматривалось с 1955 по 1963 гг. В

этом деле истцы добивались признания атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки такой, которая не соответствует международному праву. Суд своим решением постановил, что использование нового вида оружия разрешено, пока не будет принят международный договор, запрещающий его применение. Вместе с тем, Суд определил исключение из этого правила. Оно состоит в том, что когда применение такого оружия неизбежно, предполагается запрет на его использование исходя из аналогии существующих норм и правил в международном праве, оно не должно применяться. Также в решении было указано, что применение приносящих излишние страдания видов оружия противоречит принципам международного права и поэтому запрещается.

Исходя из этого решения можно сделать вывод, что информационное оружие ограничивается в применении именно в случае его использования против объектов, разрушение которых может вызвать неоправданные потери среди гражданских лиц и/или значительные и масштабные последствия, которые негативно скажутся на здоровье людей, на состоянии окружающей среды и т.д.

Такой же запрет касательно новых видов оружия закреплён и в ст. 36 Дополнительного Протокола I к Женевским конвенциям: «При исследовании, разработке, покупке или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны Высокая Договаривающаяся Сторона обязана определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запреты, которые содержатся в этом Протоколе либо в любых других нормах международного права, применимых к Высокой Договаривающейся Стороне». Эта норма хоть и не прямо, но налагает на государства обязанность не применять новые виды оружия способом, который может противоречить существующим международно-правовым нормам.

Исходя из вышеуказанных правовых позиций, можно сделать вывод, что информационные войны должны регулироваться международным гуманитарным правом как в отношении методов и способов ведения войны, так и в отношении защиты жертв вооружённых конфликтов.

Список использованной литературы

1. Сауляк В. Е. Информационное противостояние трансграничной экспансии / В. Е. Сауляк, К. Д. Коломин // Армия и общество. – 2014. – № 1. – С. 1–8.
2. Лукашук И. И. Право международной ответственности / И. И. Лукашук. – М. : Волтерс Клувер, 2014. – 580 с.
3. Устав Организации Объединённых Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. – 1956. – Вып. XII. – С. 14–47.
4. Женевская конвенция об обращении с военнопленными (Заключена в г. Женеве 12 августа 1949 г.) (с изм. от 8 декабря 2005 г.) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М. : Юридическая литература, 1990. – С. 454–512.